

Научная статья

УДК 82-65

DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-63-98

Вокруг одной необычной телеграммы Анны Ахматовой

Ольга Ефимовна Рубинчик

Независимый исследователь
Санкт-Петербург, Россия
rubinchik_olga@mail.ru

Аннотация

Импульсом для написания статьи стала телеграмма А. А. Ахматовой от 30 августа 1961 г. выдающейся дрессировщице служебных собак Лидии Ивановне Острецовой на смерть ее овчарки Акбара. По-видимому, это единственная в ахматовском эпистолярии телеграмма на смерть животного. В Интернете бытует легендарная, неточная версия этой телеграммы; в данной работе документ приводится по оригиналу. Статья содержит краткий экскурс в тему «Анна Ахматова и животные», рассказывает об особом отношении Ахматовой к колли Литджи, принадлежавшей ее друзьям и соседям по даче в Комарове Гитовичам, о том, как через поэта Александра Ильича Гитовича и его жену Сильвию Соломоновну она познакомилась с дрессировавшей Литджи Л. И. Острецовой и Акбаром.

Статья включает в себя увлекательные устные мемуары дочери Л. И. Острецовой – деятеля кино Татьяны Григорьевны Комаровой: ее воспоминания об А. А. Ахматовой, о матери, о которой знавшие ее люди вспоминают как о «совершенно замечательном человеке», о семье Гитовичей и об уникальных свойствах Акбара, которого А. И. Гитович называл «собачьим Львом Толстым». Л. И. Острецова получила после его смерти слова поддержки не только от Ахматовой – пришло множество телеграмм: от А. И. Гитовича, от прозаиков Ю. П. Германа, Ю. Г. Томина, Р. П. Погодина, В. Ф. Пановой... Приведенный рассказ скомпонован автором статьи из нескольких бесед с Т. Г. Комаровой, состоявшихся в 2022 г., и авторизован рассказчицей.

Кроме телеграммы, в исследовании публикуется ряд других документов из архива Т. Г. Комаровой, в том числе неизвестная поздняя фотография А. А. Ахматовой; публикуются также ахматовские дарственные надписи из архива внучки Гитовичей Екатерины Андреевны Гитович и т. д.

Ключевые слова

Анна Ахматова, Лидия Острецова, Татьяна Комарова, Александр Гитович, колли Литджи, овчарка Акбар, телеграмма

Благодарности

Моя глубокая благодарность Т. Г. Комаровой и Р. Д. Тищенко, без которых эта статья не была бы написана. Также благодарю за помощь в работе Е. А. Гитович, Б. М. Хаимского, О. М. Шамкович, Т. О. Кузнецову, А. А. Яковлеву и Н. П. Пакшину.

© Рубинчик О. Е., 2022

ISSN 2410-7883
Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 63–98
Studies in Theory of Literary Plot and Narratology, 2022, no. 2, pp. 63–98

Для цитирования

Рубинчик О. Е. Вокруг одной необычной телеграммы Анны Ахматовой // Сюжетология и сюжетография. 2022. № 2. С. 63–98. DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-63-98

One Unusual Telegram from Anna Akhmatova

Olga E. Rubinchik

Independent Researcher
St. Petersburg, Russian Federation
rubinchik_olga@mail.ru

Abstract

A telegram from A. A. Akhmatova dated August 30, 1961 to the outstanding dog-trainer Lidiya Ivanovna Ostretsova concerning the death of her sheepdog Akbar was the impetus for writing this article. It appears to be the only telegram in Akhmatova's epistolary written in response to the animal's death. There is a legendary and inaccurate version of this telegram on the Internet; the document is cited according to the original in this paper. The article contains a brief presentation of the topic "Anna Akhmatova and animals" and describes Akhmatova's special relationship to the Litdzhi (collie) which used to be a dog of her friends and neighbours in Komarovo – the Gitovichs, and explores her acquaintance with Akbar and L. I. Ostretsova, who trained Litdzhi, a dog of the poet Alexander Ilyich Gitovich and his wife Sylvia Solomonovna. The article contains fascinating oral memoirs by Tatiana Grigorievna Komarova, L. I. Ostretsova's daughter, a film figure: her memories of A. A. Akhmatova, of her mother, whom those who knew her recalled as "an absolutely wonderful person", of the Gitovich family and of the unique qualities of Akbar, who was called by the poet Aleksandr Ilich Gitovich "Lev Tolstoy among the dogs". After his death, L. I. Ostretsova received support not only from Akhmatova - she received many telegrams from A. I. Gitovich, from such novelists, as Yu. P. Herman, Yu. G. Tomin, R. P. Pogodin, V. F. Panova... This story is based on several conversations with T. G. Komarova held in 2022 and authorised by the narrator. Moreover, the study also includes a number of other documents from T. G. Komarova's archive, including an unknown late photograph of A. A. Akhmatova, and Akhmatova's inscriptions from the archive of Ekaterina Andreevna Gitovich, the granddaughter of the Gitovichs, etc.

Keywords

Anna Akhmatova, Lidiya Ostretsova, Tatiana Komarova, Alexander Gitovich, collie Litdzhi, sheepdog Akbar, telegram

Acknowledgments

My deep gratitude to T. G. Komarova and R. D. Timenchik, without whom this article would not have been written. I also thank E. A. Gitovich, B. M. Khaimskii, O. M. Shamkovich, T. O. Kuznetsova, A. A. Yakovlev, and N. P. Pakshina for their help in this work

For citation

Rubinchik O. E. One Unusual Telegram from Anna Akhmatova. *Studies in Theory of Literary Plot and Narratology*, 2022, no. 2, pp. 63–98. (in Russ.) DOI 10.25205/2410-7883-2022-2-63-98



Анна Ахматова. Конец 1950-х – первая половина 1960-х гг.
Архив Т. Г. Комаровой
Anna Akhmatova. Late 1950s – first half of 1960s
Archive of T. G. Komarova

ТЕЛЕГРАММА

= ЛЕНИНГРАД Д-104 ЛИТЕЙНЫЙ
52 КВ 29 ОСТРЕЦОВОЙ =

ЛЕНИНГРАДА 38/37 11 30 1645 –

ГОРЕСТНО СОЖАЛЕЮ АКБАРЕ = АХМАТОВА –

Согласно штемпелю на обороте бланка, дата отправления и получения телеграммы – 30 августа 1961 г.¹

¹ Документ хранится в домашнем архиве дочери Л. И. Острецовой – Т. Г. Комаровой.

Что же, собственно говоря, в этом тексте необычного? Телеграмма – едва ли не главный жанр эпистолярия Ахматовой последних лет, и среди произведений этого жанра немало – на смерть друзей. Например, узнав, что умер Евгений Шварц, Анна Андреевна написала его вдове: «СКОРБЛЮ ЧТО БОЛЕЗНЬ ПОМЕШАЛА ОТДАТЬ ПОСЛЕДНИЙ ДОЛГ БОЛЬШОМУ ПИСАТЕЛЮ И ПРЕКРАСНОМУ ЧЕЛОВЕКУ = АХМАТОВА»². Но то – телеграммы на смерть людей, а эта – на смерть собаки. По-видимому, единственная в ахматовском эпистолярии телеграмма на смерть животного.

Однако и пёс был единственным в своем роде. Лидия Ивановна Острецова получила после его смерти слова поддержки не только от Ахматовой – пришло множество телеграмм: от поэта и переводчика Александра Гитовича, от прозаиков Юрия Германа, Юрия Томина, Радия Погодина, Веры Пановой, от редакторского отдела Союза писателей...³ Детский журнал «Костёр» прислал письмо: «Дорогая Лидия Ивановна! / Редакция журнала “Костёр” узнала о Вашей большой потере. Мы присоединяемся к голосам Ваших друзей и хотим Вам сказать: мужайтесь, преодолите горе, будьте сильной и бодрой! / Всего Вам доброго, дорогая Лидия Ивановна, не забывайте нас. // По поручению товарищей / зав. отделом редакции / журнала “Костёр” / Игн. Ивановский»⁴.

Ахматова не была страстной любительницей животных. Об этом говорит, например, запись М. С. Лесмана, сделанная в начале 1960-х гг. после посещения Анны Андреевны в Комарове: «На крыльце дачи на этот раз никого не было, если не считать великолепной рыже-розовой кошки»⁵. Я, разумеется, немедленно ею занялся. <...> Входит кошка. Я искренне восхищаюсь ее расцветкой, манерами. Ахматова рассказывает историю ее появления в доме и попутно замечает, что не выносит в людях излишней любви к животным. Впрочем, и скверное отношение к животным ей тоже неприятно. Задетый этим, я спрашиваю: “А возьмете ли вы кошку к себе на колени?” – “Нет. Но если она сама прыгнет ко мне на колени, я не прогоню ее”. (Ну конечно! Ведь и Медный Петр не снимет железной перчатки, чтобы прогнать голубя, который сел ему на плечо...)» [Беседы с А. А. Ахматовой]

² Телеграмма от 21 января 1958 г. Текст дан по оригиналу (РГАЛИ. Ф. 2215 (фонд Е. Л. Шварца). Оп. 1. Ед. хр. 335. Л. 13). Первая публ.: *Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. 2-е изд. М.: Индрик, 2008, с. 520.

³ Телеграмма Пановой, как и телеграмма Ахматовой, сохранилась в семейном архиве. Остальные телеграммы на смерть Акбара не разысканы.

⁴ Письмо переводчика и поэта Игнатия Ивановского (машинопись с подписью-автографом) хранится в семейном архиве и приведено по оригиналу. Оно было послано 1 сентября, а получено 7 сентября 1961 г. (датировка – по штемпелям на конверте).

⁵ Возможно, речь идет о коте Мише. Ср. воспоминания С. С. Гитович: «На улице Красной Конницы мы тоже были частыми гостями Анны Андреевны. <...> В столовой на кресле и старом диване сладко спали кошки. На диване обычно, развалившись, лежала Стрелка – пятнистая кошечка с маленькой змеиной головкой и изумрудными глазами, молоденькая и хорошенькая. На кресле, мурлыкая с присвистом, спал огромный кот Миша, бледно-палевого цвета, пушистый, из бывших красавцев. Когда его сгоняли с кресла, он мягко шлепался на пол и, выгибаясь и потягиваясь, шел досыпать к Стрелке на диван» [Гитович, 1990, с. 334].

вой... 1989, с. 72–73] ⁶. В разговорах с Моисеем Семеновичем Лесманом – собирателем рукописей и книг русских писателей, знатоком поэзии – реплики Ахматовой нередко звучат запальчиво. Возможно, это связано с тем, что он сам называл «ироническим отношением к моей деятельности коллекционера» [Лесман, 1990, с. 186]. Конечно, на самом деле Ахматова не была «Медным всадником». Кошки и собаки окружали ее почти всегда ⁷. Они составляли часть быта, где бы и в чем бы доме она ни жила, и не раз упоминались ею в письмах.

Например, в 1940 г. она писала близкому другу Владимиру Георгиевичу Гаршину (из Москвы в Ленинград): «...я здорова и благополучна. Не волнуйтесь. Не заперла ли я кошку Настю в моей комнате?..» [Петербург Ахматовой..., 2002, с. 11]. Речь идет о квартире Пуниных в Фонтанном Доме.

В 1953 г. она писала Ирине Николаевне Пуниной, отдыхавшей в Псковской области: «Дорогая моя, вот уж неделя, как я дома. Здесь все мирно и благополучно. Коты молоды и красивы...» [Из семейной переписки..., 1996, с. 139] Тут говорится о квартире на ул. Красной Конницы, куда Ахматова и Пунины переехали с Фонтанки.

Теснее, чем с кошками, был контакт Ахматовой с собаками.

В ее переписке с В. К. Шилейко периода распада их брака и после развода одна из главных тем – сенбернар Тап, подобранный Владимиром Казимировичем на Марсовом поле в 1922 г. Приведу фрагмент из типичной ахматовской записки 1926 г., адресованной Шилейко: «Милуша, / вот Тапин хлеб и Ваша колбаска. Кушайте» [Переписка А. А. Ахматовой..., 2005, с. 223]. Пёс оставался на попечении Ахматовой, когда Шилейко уезжал работать в Москву, и остался жить с Ахматовой и Пуниными, когда хозяин перебрался в Москву насовсем. В своих коротких письмах Ахматова сообщала о его здоровье и о том, что он скучает по хозяину, и обращалась к Шилейко за деньгами, поскольку у нее не было средств кормить и лечить часто болевшую собаку. Из письма 1928 г.: «С Тапой большая беда. У него рак. Сегодня операция. Я возилась с ним все лето, но ему становилось только хуже. / Теперь он уже неделю в больнице, сказали, что надо резать. Содержание – 1 рубль в день, операция бесплатно. За лекарство я уже заплатила. У меня больше нет твоей доверенности, когда ты приедешь? / Очень жаль собаку, она все понимает» [Там же, с. 234].

Особое отношение у Ахматовой было также к другой большой собаке и в другое время: к колли Литджи (Литжи, Лиджи), принадлежавшей Гитовичам – друзьям Ахматовой и ее ближайшим комаровским соседям (их дачи были на одном участке) ⁸.

⁶ Напомню, что памятник Петру I, известный как Медный всадник, на самом деле не медный и не железный, а бронзовый.

⁷ Кошки и собаки упоминаются в мемуарах и дневниковых записях об Ахматовой многих ахматовских друзей; см. также заметку Д. Воденникова «Ахматова и животные» [2019]. Упоминание разных представителей животного мира в творчестве Ахматовой – отдельная тема, которой всерьез еще никто не занимался.

⁸ Об отношениях Ахматовой с поэтом и переводчиком Александром Ильичом Гитовичем (1909–1966) см.: [Хренков, 1969, с. 5–6, 95, 125–133; Тименчик, 2015, т. 1, с. 145, 326, 399; т. 2, с. 177, 228–229, 327, 575; Чуковская, 1997, т. 3, с. 40–41, 82, 349–350; Черных, 2016, с. 575, 577, 640, 642, 653, 684, 703] и др. Отношения «были очень неровные. Они временами очень дружили, а временами совсем нет» (интервью с Андреем Гитовичем, веду-



Лев Гумилев, Александр Гитович, Сильвия Левина (Гитович), Анна Ахматова.
Ленинград, ул. Красной Конницы. 1960 г. Фотограф Е. П. Ряпасов.
Архив Д. Л. Файнберга (племянника подруги Ахматовой Л. Д. Большинцовой)
Lev Gumilyov, Alexander Gitovich, Sylvia Levina (Gitovich), Anna Akhmatova.
Leningrad, st. Red Cavalry. 1960 Photographer E. P. Ryapasov.
Archive of D. L. Fainberg (nephew of Akhmatova's friend L. D. Bolshintsova)

О Гитовичах можно смело сказать, что они испытывали «излишнюю любовь к животным»: ради бездомной овчарки Джеки они стали круглогодичными сельскими жителями [Гитович, 1990, с. 336–337]. Из воспоминаний С. С. Гитович: «...погибла наша Джека. <...> и мы очень горевали. Чтобы утешить моих мужчин, я клюнула на их уговоры и согласилась взять двух щенков колли. Нам привезли месячных крошек, милых и беспомощных. Двух сестричек – рыжую и черную, которых назвали Литжи и Лотта. Одновременно Ахматова подарила нам маленького пушистого котеночка – трехцветную красотку с хвостом белки, победоносно торчащим вверх, которую назвали Муськой. И весь этот зверинец очень дружно стал жить у нас на даче» [Гитович, 1990, с. 340]. Когда некому было находиться с Ахматовой в Комарове, уход за ней по просьбе И. Н. Пуниной взяла

щий Н. Кавин, радиоканал «Ветер в окно», Радио России-СПб., 4 июля 2013. URL: https://vk.com/wall-6894804_3528?ysclid=l5tyml34ec387160187 (дата обращения 28.09.2022). Подборку посвященных Ахматовой стихов А. И. Гитовича см.: [Гитович, 1989].

Жена А. И. Гитовича – Сильвия Соломоновна Левина (1913–1974) – обычно фигурирует в печати как Гитович. Ср. свидетельство ее внучки Екатерины Андреевны Гитович: «По документам бабушка – Сильвия Соломоновна Левина. Дома всегда ее называли Сильвой» (из адресованного мне электронного письма от 10 июля 2022 г.). Об Ахматовой и С. С. Гитович см.: [Тименчик, 2009, с. 533–537]. Воспоминания С. С. Гитович о дружбе с Ахматовой: [Гитович, 1990, с. 336–337]. Несколько иная версия тех же мемуаров: [Гитович, 1991].

Об Ахматовой и Гитовичах: [Ольшанская, 1986, с. 356–357].



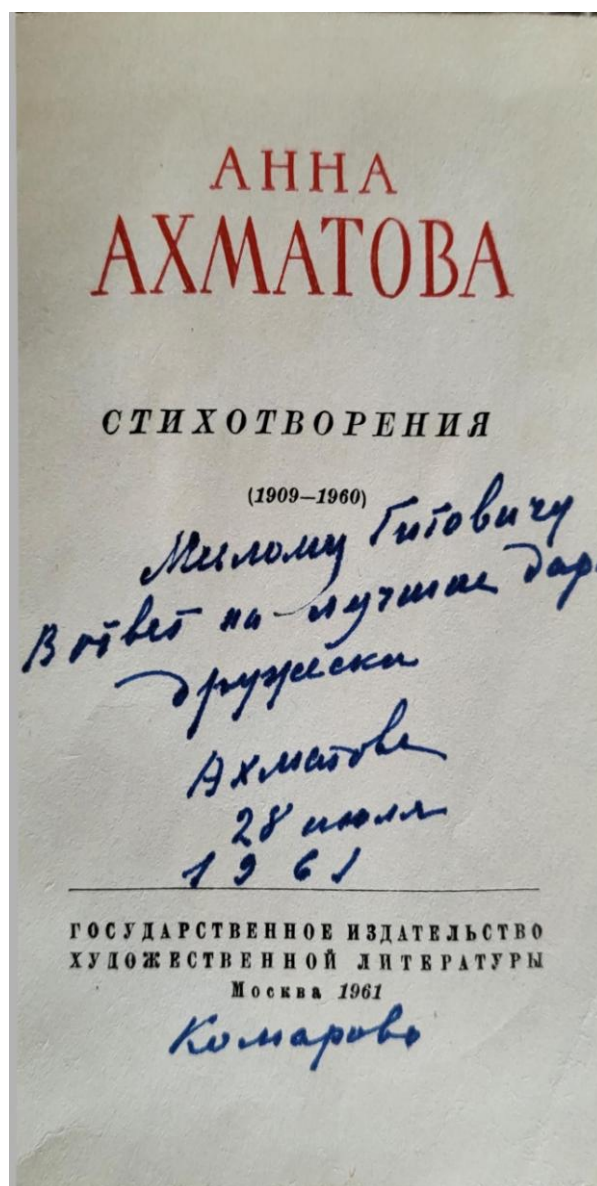
Александр Гитович и Анна Ахматова. Ленинград, ул. Красной Конницы. 1960 г.
Фотограф Е. П. Ряпасов. Архив Т. Г. Комаровой

Alexander Gitovich and Anna Akhmatova. Leningrad, st. Red Cavalry. 1960
Photographer E. P. Ryapasov. Archive of T. G. Komarova

на себя Сильвия Соломоновна: «Итак, я стала хозяйничать в двух дачах сразу. <...> ночами я боялась оставлять ее одну, тем более что она лишь недавно оправилась от инфаркта. И вечером, окончив дела, я брала собак и говорила: “Ну, пошли спать к Анне Андреевне”. И вежливые, деликатные псы тихонько отправлялись на ее дачу, а зади, победоносно задрав хвост, плелась считавшая себя собакой пушистая, хорошенькая Муська. И все чинно, с достоинством, укладывались в маленькой комнате. Собаки на полу, а Муська у меня в ногах» [Там же, с. 345]. Гитовичи посещали Ахматову не только в «Будке» (таким «собачьим» словом Ахматова называла выделенную ей Литфондом дачку), но и в комаровском Доме творчества писателей: «Узнав, что Анна Андреевна приехала в Комарово, мы ранними сумерками, взяв с собой собак, отправились к ней в гости в Дом творчества. / Собаки радостно бросились к ней здороваться. “Душенька, красавица, лебедь”, – говорила она, лаская Литжи. <...> Этим летом, когда у нашей веранды буйно зацвел жасмин, мы под цветущим жасмином сфотографировали Анну Андреевну с красоткой Литжи. Снимок назывался “две красавицы” и получился настолько удачным, что даже Анне Андреевне понравился, а такое случилось не часто. Она ревниво относилась к своим изображениям и забракованные ею фотографии безжалостно рвала, а негативы требовала уничтожить» [Там же, с. 348]⁹.

⁹ В датировке неоднократно публиковавшейся фотографии существует разноречие: иногда она датируется 1959 г., иногда – 1962 г. К сожалению, уточнить дату не удалось.

Есть другая фотография Ахматовой с Литджи, сделанная Андреем Гитовичем там же и тогда же, она опубликована, в частности, в альбоме-каталоге: [Бег времени, 2012, с. 32]. Фотография поступила в музей из архива Ники Глен. Экземпляр был разорван – несомненно, недовольной снимком Ахматовой, склеен и сохранен Никой Николаевной.



Дарственная надпись Александру Гитовичу на книге: Ахматова А. Стихотворения. М.: ГИХЛ, 1961. На титульном листе: «Милому Гитовичу / В ответ на лучшие дары / дружески / Ахматова / 28 июля / 1961 / Комарово». Архив Е. А. Гитович

Dedicatory inscription to Alexander Gitovich on the book: Akhmatova A. Poems. M.: GIHL, 1961. On the title page: "To dear Gitovich / In response to the best gifts / friendly / Akhmatova / July 28 / 1961 / Komarovo". Archive E. A. Gitovich



Анна Ахматова с Литджи. Комарово. 1959 или 1962 г.
Фотограф Андрей Гитович. Государственный литературный музей (Москва)
Anna Akhmatova with Litji. Komarovo. 1959 or 1962
Photographer Andrey Gitovich. State Literary Museum (Moscow)

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

Ахматовское motto о Литджи: «Правда, красавица? <...> У нее восемнадцать медалей, а у меня только три»¹⁰.

Вероятно, если бы не Литджи и Лотта, Ахматова не познакомилась бы с Акбаром и его хозяйкой – выдающейся ленинградской дрессировщицей служебных собак Лидией Ивановной Острецовой (1920–1992).



Лидия Острецова. Конец 1940-х – начало 1950-х гг.
Архив Т. Г. Комаровой

Lydia Ostretsova. Late 1940s – early 1950s
Archive of T. G. Komarova

¹⁰ [Чуковская, 1997, т. 3, с. 99], запись от 21 октября 1963 г. Комментарий Чуковской: «...три медали Анны Ахматовой <...>: “За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”; “За оборону Ленинграда” и юбилейная медаль “В память 250-летия Ленинграда”» [Там же, с. 369].

В книге «Юный дрессировщик» Острецова посвятила этим колли, которых обучала собачьим наукам, отдельную главу – «Литджи и Лотта». Фрагмент из этой главы:

Мне вспоминаются две колли – Литджи и Лотта – две родные сестрички. Собаки эти жили вместе в доме моих друзей со щенячьего возраста. Условия для них были, разумеется, одинаковые. Тем не менее трудно себе представить двух собак одной породы, так непохожих друг на друга. Литджи – рыжая колли редкой красоты. Она несколько лет подряд брала первые места на выставках в Москве и Ленинграде, была чемпионом породы, но не в этом дело. Много есть красивых колли. Тут дело не только в красоте, а в удивительном обаянии этой собаки. Она не была очень крупной, очень сильной и злой собакой, но она была самоотверженной и готовой для вас на все.

Я помню, на даче шли мы с озера вечером, и к нам пристал пьяный. Литджи мгновенно бросилась защищать нас, несмотря на то, что пьяный был здоровенный мужик и ей, пожалуй, было страшновато, но, когда нужно было броситься на защиту, она не берегла себя.

Может быть, пьяный просто боялся собак, а может быть, спасовал перед таким героизмом.

Дрессировать Литджи было одним удовольствием. Она всегда так старалась понять, чего вы от нее хотите, так трогательно радовалась, когда ей это удавалось. Во все время дрессировки я ни разу не повысила на нее голоса.

На дрессировочной площадке Литджи не заводила ссор с собаками, но и дружбы с ними не искала. Очень любила преодолевать препятствия: как только увидит, что какая-то собака не прыгает через барьер или не идет по лестнице, – забежит вперед собаки, полает, привлекая к себе ее внимание, и прыгнет через забор или пробежит по лестнице. Любила игру с палочками – устали не знала, бегая за ними.

Литджи сдала все службы, какие только можно было, и все на первую степень.

А какая милая собака была она дома!

Зимой я приехала к своим друзьям на дачу, а у Литджи болело ухо, и ей делали ежедневно уколы. Для этой процедуры ей было разрешено ложиться на диван, что до сих пор запрещалось. Едва успев со мной поздороваться, она стала пояснять мне, что с тех пор, как я была в последний раз, произошли существенные изменения; вот, например, теперь ей можно, никого не стесняясь, забираться на диван. Она проделывала это несколько раз подряд, красноречиво поясняя, как все это было, и в конце концов удобно устроилась да и меня пригласила присесть к ней. Все это было очень забавно и вполне понятно.

В другой раз я приехала и Литджи меня не встретила, но из комнаты, едва она услышала мой голос, раздались призывы и рыдания, настолько нетерпеливые, что я, не раздеваясь, бросилась к ней. На подстилке возле Литджи лежало десять маленьких рыжих и черных комочков. Она жалобно сообщала мне, как было трудно, как страшно за детей теперь. Тут же рассказывала мне счастливым и радостным голосом о том, какие чудесные у нее дети, сколько с ними хлопот и как она счастлива материнством. Прерывая свои причитания, она носом подталкивала ко мне то одного, то другого щенка. Как выразительны были ее глаза! Сколько нежности, счастья и доверия было в этой сцене!.. Я очень любила эту собаку.

Сестрица Литджи – Лотта – была тоже красивой собакой: черная, богато одетая, несколько склонная к полноте. Она была ласкова к людям, очень любопытна, любила уют и удобства, была довольно завистлива и ленива. На выставках она всегда ходила на несколько собак позади Литджи, но неизменно получала отличную оценку и золотую медаль.

В дрессировке Лотта всегда прилагала все усилия к тому, чтобы помешать нам научить ее чему-нибудь. <...> Лотточка хорошо работала только по настроению...»¹¹.

Лотту Гитовичи в какой-то момент отдали в другие руки; Литджи оставалась с ними до своей смерти. В 1964 г. Ахматова записала в дневнике: «Умерла милая кроткая красавица Лиджи» [Записные книжки..., 1996, с. 471]¹².

С Л. И. Острецовой, о которой знавшие ее люди вспоминают как о «совершенно замечательном человеке» – общаться с ней было счастьем¹³, Ахматова познакомилась не позднее 10 января 1959 г. (см. далее ахматовскую дарственную надпись на книге).

Рассказывает дочь Острецовой Татьяна Григорьевна Комарова¹⁴:

Мама много общалась с Анной Андреевной. Она познакомилась с ней через Гитовичей: дрессировала обеих их колли¹⁵. Фотографию Ахматовой с Литджи сделал сын Гитовичей Андрей¹⁶.

¹¹ Острецова Л. Юный дрессировщик. Л.: Дет. лит., 1969, с. 17–19.

¹² О Литджи см. также обширное примечание в статье: [Поберезкина, 2015, с. 143–144].

¹³ Из электронного письма ко мне художницы по гриму в кино и преподавательницы Ольги Михайловны Шамкович (22 апреля 2022 г.). См. также многочисленные отзывы об Острецовой как о человеке, кинологе и педагоге, выучившем целую плеяду собаководов, на сайте агитбригады «Каштанка»: Лидия Ивановна Острецова. URL: https://kashtankamy1.ru/index/lidija_ivanovna_ostrecova/0-21 (дата обращения 28.09.2022); статьи: [Машкова, 1993, с. 31–32]; К столетию со дня рождения Лидии Ивановны Острецовой // Сайт «Российская кинологическая федерация». URL: <http://rkf.org.ru/100-let-so-dnja-rozhdenija-lidii-ivanovny-ostrecovoj> (дата обращения 28.09.2022); Лидия Ивановна Острецова и ее юные дрессировщики // Сайт «Кинология». 15 января 2019 г. URL: https://vk.com/@kino-logia_official-lidiya-ivanovna-ostrecova-i-ee-unye-dressirovschiki (дата обращения 28.09.2022); др. На указанных сайтах можно посмотреть документальный фильм «Хорошо, собака!» (реж. В. Матвеева, 1977), созданный на материале устных рассказов Острецовой и с ее участием, увидеть ее на экране.

¹⁴ Приведенный далее рассказ скомпонован мной из нескольких бесед с Т. Г. Комаровой, состоявшихся в апреле – мае 2022 г., авторизован ею.

Татьяна Григорьевна Комарова родилась в 1946 г. В 1971 г. закончила факультет русского языка и литературы ЛГПИ им. Герцена, в 1981 г. – режиссерский факультет ЛГИТМИКа. Работала на «Ленфильме» ассистентом режиссера, потом – вторым режиссером, потом – кастинг-директором; работала также в Москве. Сотрудничала с такими режиссерами, как А. Герман («Мой друг Иван Лапшин», два раза по полгода на картине «Трудно быть богом»), А. Сокуров («Мадам Бовари», «Тихие страницы», «Мать и сын», «Молох», «Телец», «Русский ковчег»), И. Хейфиц, И. Масленников, В. Бутурлин, В. Мельников, С. Микаэлян, В. Фокин, К. Серебренников, В. Щегольков, Н. Хомерики, П. Лунгин.

¹⁵ В одной из статей об Острецовой указано, что она начала тренировать колли Гитовичей в 1959 г. (Памяти Лидии Ивановны Острецовой. 05.04.1920 – 06.06.1992 // Сайт «Зоокурьер». 2020. URL: <https://zoocourier.ru/History/ostetsova.shtml> (дата обращения 28.09.2022)). Но сопоставление фактов заставляет считать, что это произошло не позднее 1958 г.

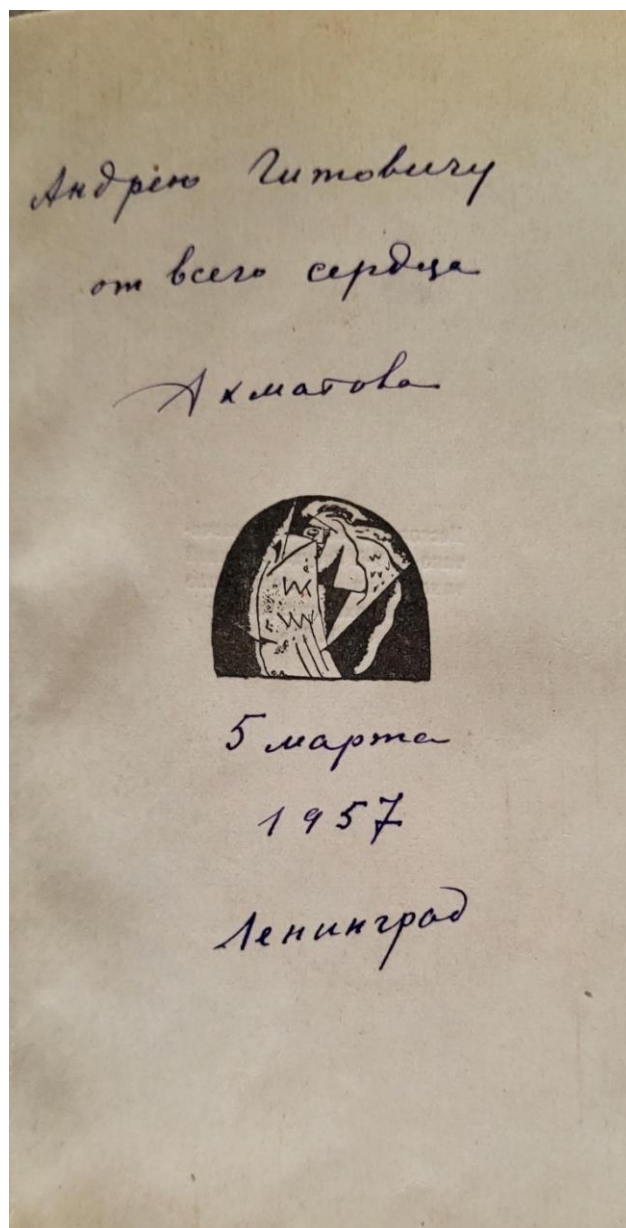
¹⁶ Сведения об Андрее Александровиче Гитовиче (1939–2014), сообщенные его дочерью Е. А. Гитович: «Отец закончил Политехнический институт, работал программистом. В молодости он подрабатывал дрессировкой собак. Когда я была в детсадовском возрасте, у нас часто жили собаки, которых он дрессировал. Отцу даже предлагали работать дрессировщиком на «Ленфильме», но он отказался. Потом, после того, как он защитил канди-

Мне было лет двенадцать, когда я впервые увидела Ахматову. Это было в квартире Гитовичей в писательском доме на канале Грибоедова. Был день рождения Андрюши. Анна Андреевна его любила. Я не помню, что она говорила, я тогда еще и стихов ее не знала, но помню, что я весь вечер просидела с прямой спиной, не смея ни прислониться к спинке стула, ни переменить позу. Не понимала, что со мной. Потом поняла: это потому, что рядом сидела королева.



Андрей Гитович. Конец 1950-х – первая половина 1960-х гг.
Архив Е. А. Гитович
Andrey Gitovich. Late 1950s – first half of 1960s
Archive E. A. Gitovich

датскую диссертацию, необходимость подработки отпала, он стал заниматься только основной своей работой, работал в разных организациях, был руководителем группы программистов. У него были изобретения, авторские свидетельства, но они тогда были практически у всех, кто сколько-нибудь серьезно работал в технической сфере. Это было примерно то же, что публикации для тех, кто работал в системе Академии наук» (из адресованного мне электронного письма от 10 июля 2022 г.).



Дарственная надпись на книге: Ахматова А. У самого моря. Пб.: Алконост, 1921. На авантитуле: «Андрею Гитовичу / от всего сердца / Ахматова // 5 марта / 1957 / Ленинград». Архив Е. А. Гитович

Dedicatory inscription on the book: Akhmatova A. Near the sea. Pb.: Alkonost, 1921. On the title: "To Andrei Gitovich / with all my heart / Akhmatova // March 5 / 1957 / Leningrad". Archive E. A. Gitovich

Я очень люблю Ахматову, считаю ее великим поэтом. Я в детстве, как это часто бывает, больше любила Цветаеву, а с возрастом, конечно, Ахматову. И мама ее невероятно уважала, преклонялась перед ней, стихи ее очень любила.

Мама была дочерью «врага народа». Ее отец, мой дед Иван Андреевич Острецов, согласно сохранившимся справкам, с 1929 г. работал в Русском музее, в 1930–1932 гг. был там директором, а с 1934 по 1 февраля 1935 г. был зам. директора по научной части в Музее этнографии. Затем его перевели по партийной линии работать в Алма-Ату, а через несколько месяцев арестовали¹⁷.

В Алма-Ату, кстати, приезжал Александр Ильич с писательской делегацией¹⁸, и, когда мы были у Гитовичей в Комарово, он маме стал показывать фотографии. Я гуляла – прихожу, а мама плачет. «Что случилось?» Александр Ильич показывает

¹⁷ Наиболее подробные сведения о сложной и малоизвестной биографии И. А. Острецова размещены на сайте «ЦентрАзия»: «ОСТРЕЦОВ Иван Андреевич (08.1890–1944). Родился в дер. Острецово Никольско-Торжской волости Кирилловского уезда Череповецкой губернии. Отец и мать – из крестьян, рабочие. Учился 2 года в волостной церковно-приходской школе. Окончил техническую школу трубного завода (1903 г.). Окончил Пропагандистскую школу группы “Вперед”, гг. Болонья в Италии, Париж (осень 1910 – 04.1911 гг.). Член Компартии с 1908 г. / Служащий городской читальни, с 1905 г. – член “Союза печатников” (1904–1906 гг.); рабочий текстильной фабрики Гука (1906–1909 гг.); секретарь Василеостровского райкома ВКП(б), член Исполнительной комиссии Петроградского комитета партии (1909 г.); рабочий-поденщик на стройках, в 08.1909 г. ненадолго арестован, в 1910 г. вновь арестован, сидит 3 месяца в ДПЗ и приговорен к 3 годам административной ссылки в г. Рига, работал там 1 месяц рабочим в фотографии, выехал за границу; секретарь Василеостровского райкома партии СПб. – рабочий трубного завода, завода Парвизайнен, был заподозрен товарищами в провокаторстве и отошел от партработы (1913–1916 гг.); жил и работал на станции Поповка Николаевской ж. д., где организовал большевистскую ячейку (1916–12.1917 гг.); зав. агитпропотделом Василеостровского райкома партии, зав. экономическим отделом райисполкома, пред. Василеостровского РИКа г. Петрограда (1918–1922 гг.); зав. АПО Петроградского райкома партии г. Петрограда (1922–1924 гг.); зав. Ленинградским губернским управлением литературы (ЛИТО), одновременно преподавал в Институте живых восточных языков, Военно-топографической школе и НИИ им. Г. Зиновьева (1924 – 10.1925 гг.). 28 октября 1925 г. снят со всех постов на основании решения ЦК ВКП(б) за принадлежность к “зиновьевской оппозиции”, откомандирован в распоряжение ЦК ВКП(б). С 04.1926 г. (утвержден решением Секретариата ЦК ВКП(б) 26.02.1926 г.) – уполномоченный НКВД СССР в Туркмении. В 1929 г. – заведующий историко-бытовым отделом Государственного Русского музея, г. Ленинград. В 1930–1932 гг. – директор ГРМ. В 1936 г. был репрессирован. В 1956 г. посмертно реабилитирован» (URL: <https://centrasia.org/person.php?st=1118573544> (дата обращения 28.09.2022)). По другим сведениям, был арестован 21 октября 1935 г., осужден 15 марта 1936 г. на 5 лет лагерей, дата смерти не указана (сайт «Открытый список», URL: [https://ru.openlist.wiki/%D0%9E%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_\(1890\)](https://ru.openlist.wiki/%D0%9E%D1%81%D1%82%D1%80%D0%B5%D1%86%D0%BE%D0%B2_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD_%D0%90%D0%BD%D0%B4%D1%80%D0%B5%D0%B5%D0%B2%D0%B8%D1%87_(1890)) (дата обращения 28.09.2022)). Электронный архив Фонда Иофе на основании документов указывает дату расстрела: 5 апреля 1938 г. (URL: <https://arch2.iofe.center/person/28925> (дата обращения 28.09.2022)).

¹⁸ По воспоминаниям Вс. А. Рождественского, в середине 30-х гг. по приглашению казахского правительства «группа ленинградских писателей приехала в Казахстан для установления культурного шефства», в группу входили, кроме мемуариста, Л. Соболев, Н. Чуковский, П. Лукницкий, А. Гитович и Ю. Берзин; выехали в начале мая, путешествовали по республике, около месяца провели в Алма-Ате [Рождественский, 1974, с. 401–402, 411]; описание поездки – [Там же, с. 401–417].

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

фотографии, где он на лошади, мама держит лошадь под уздцы, ей четырнадцать лет, и дед рядом, еще на свободе.



Иван Острецов. Петроград, 1923 г. Архив Т. Г. Комаровой
Ivan Ostretsov. Petrograd, 1923. Archive of T. G. Komarova

В пятнадцать лет мама одна приехала в Ленинград из Алма-Аты – хлопотать за деда. Из хлопот ничего не вышло, а ее полгода каждый день вызывали в Большой дом и допрашивали. Бабушка приехала позднее и жила без прописки по друзьям, потому что боялись, что ее заберут как жену врага народа, это же сплошь и рядом было. Мама пошла в вечернюю школу и работать. А потом вышла замуж. Она мне рассказывала, что было очень много молодых людей, которые за ней ухаживали, но все ее боялись: дочь врага народа. А отец не боялся. «Я вышла замуж за него в благодарность за то, что он не боялся». Имя моего отца – Григорий Федорович Комаров.

У меня много лет хранился дома экзаменационный лист: мама поступала на факультет иностранных языков в Университет за свою подругу, под ее фамилией. Она немецкий хорошо знала. Она всегда говорила, что выбирала между Театральным

и Институтом иностранных языков. Но ее никуда не брали. И она пошла учиться в Педучилище – единственное место, куда ее взяли.

А потом война. Блокаду они почти всю здесь были с бабушкой. Спасло их только то, что сестра отца устроила их работать в детский сад – был какой-то паек. Бабушка ходить уже не могла, мама ее на санках возила на работу. А потом их по «Дороге жизни» отправили в эвакуацию на Алтай вместе с детским садом. На Алтае был такой интернат: от детсадовских до пятнадцатилетних. И мама там работала воспитателем. А когда она вернулась в Ленинград, то заболела туберкулезом. Тогда была эпидемия. Ее отправляли в Крым, в горы – все бесполезно. И ей сказали: «Вылечить Вас невозможно, через какое-то время Вы умрете».

А отец пришел с войны контуженный, и у него была идея, что он художник, хотя он закончил до войны три или четыре класса художественной школы – и все. Это я сейчас понимаю, что у него с головой не очень хорошо было после двух контузий. Он сказал, что будет работать только художником. То есть он без работы. Бабушка скрывается без прописки, без работы. У мамы пенсия по инвалидности 30 рублей – и мы все на эту пенсию живем. Открытая форма туберкулеза – какое Педучилище, какой детский сад! К детям маму не допускают. При этом у нас коммунальная квартира.

Надо было как-то выживать. И мама вспомнила, что всегда любила собак. Еще раньше она занималась в Клубе служебного собаководства, а теперь закончила курсы инструкторов и стала работать. Сначала частным образом: по домам ходила. Тогда же, в общем, состоятельные люди держали собак: жены военных, профессура – и мама ездила по домам дрессировала собак. А потом стала еще на площадке дрессировать.

И через полтора года она пошла в туберкулезный диспансер. Когда врач ее увидела, воскликнула: «Острецова! Живая!» Повели ее по всем кабинетам, сделали снимки – и выяснилось, что каверна зарубцевалась. Врач спрашивает: «Чем Вы вылечились?» Мама говорит: «Собаками». – «Много съели?» – «Вы с ума сошли!» Тогда было такое поверье, что собачий жир помогает от туберкулеза. «Я на улице работаю с собаками». И вот благодаря этому она справилась с болезнью.

В конце концов собаководство стало ее профессией. Киносценарий «Дай лапу, Друг!» написан Юрием Германом¹⁹ по ее устным рассказам.

И в кино ее привел Юрий Герман. Это был чистый случай. Первая мамина картина была дебютом Вячеслава Михайловича Мельникова – «Барбос в гостях у Бобика»²⁰. В рассказе Николая Носова – «Бобик в гостях у Барбоса», но Мельников сказал: «Барбос – дворовая собака, а Бобик – домашняя, поэтому, конечно, Барбос приходит к Бобику в гости». На худсовете Мельников заявил, что хочет, чтобы были настоящие собаки. Ему ответили: «Да Вы в своем уме? Как снимать настоящих собак?» А Герман сказал: «Я вам приведу человека, который отдрессирует собак – и они все сделают». И так маму первый раз позвали на «Ленфильм». Это был шестидесят четвертый год. И после этого все «собачьи» фильмы снимались с ее участием: «Учитель пения» и «Трое в лодке, не считая собаки», «Соленый пес», «Приключения Электроника», «Жизнь и приключения четырех друзей»²¹, и еще были.

¹⁹ См.: [Герман, 1963]. По сценарию Германа был снят одноименный фильм, премьера состоялась в 1967 г. Режиссер И. Гурин, главный дрессировщик Л. Острецова.

²⁰ Фильм «Барбос в гостях у Бобика» поставлен режиссерами В. Мельниковым и М. Шамковичем в 1964 г. Автор сценария Н. Носов.

²¹ «Учитель пения» (1972) и «Трое в лодке, не считая собаки» (1979) – режиссер Н. Бирман, «Соленый пес» (1973) – режиссер Н. Кошелев, «Приключения Электроника» (1979) – режиссер К. Бромберг, «Жизнь и приключения четырех друзей» (1980–1981) – режиссер О. Ерышев.

В каком же году у мамы был инсульт? Она и после этого продолжала ездить и работать. А потом онкология – с этого времени она, конечно, в экспедиции со съемочными группами не ездила, но на площадке работала. Делал ей операцию Рюрик Александрович Мельников, он был гениальный врач. А он дрессировал у нее собаку. Мама рассказывала, что однажды она, видимо, побледнела, а он говорит: «Вы чего это побледнели? Здесь все свои. Про меня Вы знаете: у меня сенбернар. У него лайка. У этого – черный терьер. Все свои». И он маме подарил пять лет жизни, хотя операция была тяжелейшая. Умерла она от инфаркта, а не от рака. Пропустили инфаркт.

Умерла – в девяносто втором году. Причем интересно: в семье всю жизнь ненавидели Сталина, а к Ленину мама относилась иначе. А я, естественно, его на дух не выносила. Однажды прихожу домой: сидит мама и плачет. А я ей не давала читать Солженицына, боялась. Но подружки же есть – дали «Архипелаг ГУЛАГ». Мама рыдает и говорит: «Подумать! Мерзавец!» – «Мама, ты про кого?» – «Про Ленина». – «Мама, не тронь святое». Она приняла перестройку на ура. Все читала. «Огонек» – от корки до корки. И когда в 1991-м произошел путч – а мама была уже с палочкой, после инсульта и операции, – она сказала: «Я не могу поехать на Дворцовую, но я хоть на улицу выйду, чтобы с людьми быть»²².

Она до конца сохранила свой дух – абсолютно. Мельников через две недели после ее выписки из больницы звонит мне, мы поговорили, он спрашивает: «Как мама?» – «Да ничего». – «Ну давай ей трубку». – «Ее нету». – «Ты что, ее одну в ванную отпускаешь?» – «Да нет, она на площадке». Пауза. Дальше он хохочет и говорит: «Так. Не тронь ее. Я студентам буду рассказывать. У меня встают через две недели, а она на площадке!»

Вообще я поняла, что из этого поколения – как бы пополам: половина людей ломалась, а те, кто не сломался, те были такими оптимистами! Тогда каждая минута была счастьем, что ты жив: тебя не посадили, тебя не расстреляли, и поэтому любой момент, когда можно было пошутить, посмеяться, посидеть с друзьями, – он использовался на всю катушку.

А вот с блокады у мамы осталось... Конечно, должен был быть полный холодильник. Приходит водопроводчик или электрик, мама говорит: «Садитесь пить чай» или «Садитесь обедать». Он отвечает: «Да я не хочу». – «Нет, садитесь». Он уходит. Мы: «А может, он и правда не хотел?» Мама: «А если он стеснялся? А если он голодный?» Вот это «если он голодный» – навсегда.

Существовал (возможно, и существует) экземпляр ахматовского сборника «Стихотворения» 1958 г. с дарственной надписью: «Милой Лидии Ивановне Острецовой / память встречи / Ахматова / 10 янв. 1959 / Ленинград»²³. А в домашнем архиве семьи сохранились: фотография ахматовской могилы, фотография Ахматовой с Гитовичем, а также не публиковавшийся до сего дня прекрасный фото-портрет Ахматовой – кажется, лучший среди поздних.

²² Речь идет о событиях 18–21 августа 1991 г., когда членами ГКЧП (Государственного комитета по чрезвычайному положению в СССР) была совершена попытка захвата власти в стране. В борьбе против путчистов участвовали многие города. Так, 20 августа 1991 г. на Дворцовую площадь в знак протеста против переворота вышло 400 тысяч жителей Ленинграда; это была самая большая манифестация за всю историю города (цифра взята из публ.: [Крашенинников, 2021]).

²³ Надпись сообщена мне Р. Д. Тименчиком, а ему – библиофилом А. М. Румянцевым, которого не стало в 2006 (?) г.

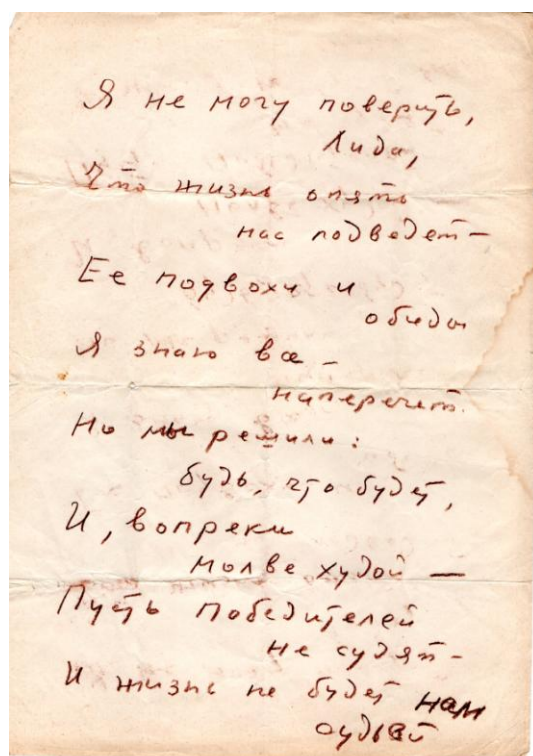
Отношения Ахматовой и Острецовой можно назвать добрым знакомством. А были писатели, с которыми Лидия Ивановна дружила. Нередко дружба начиналась по «собачьей линии». Об отношениях с А. И. Гитовичем и его семьей Т. Г. Комарова рассказала подробно:

Александр Ильич пришел к нам домой просить, чтобы мама дрессировала Литджи и Лотту. С Сильвией Соломоновной они пришли. Мамы дома не было. И он обратился ко мне: «Попроси мать за нас». Я помню, что он мне показался ужасно старым. А ему еще не было пятидесяти... Он бородатый был. И всё, и они подружались, и я росла там, в доме Гитовичей. У нас была коммуналка. Они чуть-чуть лучше нас жили, тоже нищими были абсолютно, но мне казалось, что это какая-то вообще другая жизнь: отдельная квартира, ванная отдельная. И Александр Ильич очень много со мной возился – и он, и Сильва. Он следил за тем, что я читаю. Ужасно ругал Сильву за то, что она учила меня «Мурке» и светловским песням к спектаклям – она же была актриса кукольного театра (работала она только в молодости, а потом все время была при нем, и Андрюша родился).



Сильвия Гитович. Около 1930 г.? Архив Е. А. Гитович
Silvia Gitovich. Around 1930? Archive E. A. Gitovich

Они из Смоленска оба. Поженились вопреки воле родителей. Их выгнали из дома, только что камнями не побили. Гитович был нищий, а у Сильвы еврейская семья, родители хотели, чтобы она вышла замуж за... Он всегда ее дразнил: «...за аптекаря». Дразнил, когда сердился: «Аптекарьша!» Он тоже еврей был, но – нищий. И они ушли из дома ни с чем. Сильва его очень любила, прощала ему все: у него всю жизнь была куча романов, что он не слишком и скрывал. Есть стихи, посвященные маме. Вот автографы Александра Ильича, это всё стихи маме ²⁴.



Александр Гитович. Стихи, посвященные Лидии Острецовой.
Автограф. 1958 г.? Архив Т. Г. Комаровой
Alexander Gitovich. Poems dedicated to Lydia Ostretsova.
Autograph. 1958? Archive of T. G. Komarova

²⁴ В архиве Т. Г. Комаровой хранятся автографы восьми стихотворений А. И. Гитовича, обращенных к Л. И. Острецовой: «Что было с Вами? Лишь туман и мгла...», «На печальном моем изголовье...», «Прощание» («Я никогда не попрошу тебя...»), «Я не могу поверить, Лида...», «Деревья» («Который год у моего окна...»), «Опять считать часы, минуты...», «Все то, что с нами раньше было...», «Последняя – первая – / будет она...». Некоторые из них опубликованы (иногда с небольшими изменениями), см., например, следующие сборники Гитовича: [1965, с. 113–114; 1968, с. 94–95; 1982, с. 136–141, 156–157]. В публикациях стихи к Л. И. Острецовой входят в циклы 1958 г., включающие произведения, которых в домашнем собрании Т. Г. Комаровой нет. Возможно, другие стихи этих циклов также имеют отношение к Л. И. Острецовой.

Сильву он любил, но, знаете, как к жене относятся, с которой уже чуть не сорок лет прожили? Он ее любил, но она была привычная²⁵, а ему нужны были все время впечатления, новые люди.

Сильва была легкая, обаятельная, с невероятным чувством юмора. Я помню, когда к ним приехал Светлов, я с ним познакомилась (я еще мелкая была). Дом у Гитовичей был дивный совершенно, собирались друзья, часто устраивались всякие праздники, и Сильва раскладывала у себя тех, кому некуда было уйти: кто не из Питера или кому далеко ехать. Квартира небольшая: Андрюшкина комната маленькая, кабинет Александра Ильича и столовая. И вот она всех разложила, а самой лечь некуда. Ну кто самый тощий? Светлов. Она его подвинула и валетом с ним легла. Он абсолютно пьяный. Ночью он просыпается – она ему: «Мишка, Мишка, это я!» Он говорит: «Старуха, я всю жизнь думал, что я король, а я валет».

Гитович прошел две войны: был корреспондентом на Отечественной²⁶ и на войне с Японией²⁷. Он был невероятно обаятельным человеком. Я его обожала. Очень пил, потому и умер так рано: ему же шестидесяти не было. Остро чувствовал все, что происходит.

Он считал себя учеником Заболоцкого²⁸. Очень много стихов Заболоцкого я знала наизусть, но поздних. Раннего Заболоцкого он мне не давал. Пастернака, Мандельштама он мне не давал. Ахматову я читала. Я помню, что смерть Пастернака его совершенно сразила. А потом, конечно, смерть Ахматовой. А еще Сильва сделала глупость такую: она ему не сказала о смерти Ахматовой²⁹. И он, когда узнал, ей этого не простил.

Они очень дружили со Светловым, с Клещенко, Шефнером – это те, кого я у них видела. Дружили со Шварцем – жили в одном доме. С Прокофьевым, еще со Смоленска. Но с Прокофьевым Гитович прервал всякие отношения после дела Бродского³⁰. Однажды Александр Ильич пришел к нам и стал смотреть мою книж-

²⁵ Ср. слова Ахматовой, сказанные Сильве Гитович: «Саня любит вас так, как Мандельштам любил Надю. Он без вас жить не может» [Гитович, 1989, с. 516].

²⁶ О Гитовиче в годы Великой Отечественной войны подробно: [Хренков, 1969, с. 71–90].

²⁷ Во время войны с Японией А. И. Гитович находился с советскими войсками в Корее. См.: [Гитович, Бурсов, 1948].

²⁸ О Гитовиче и Заболоцком: [Хренков, 1969, с. 118–124; Тименчик, 2015, т. 2, с. 229]; о взаимоотношениях двух поэтов говорится также в интервью с Андреем Гитовичем. О Гитовиче, Заболоцком и Ахматовой: [Тименчик, 2009б, с. 58–59].

²⁹ Из воспоминаний С. С. Гитович: «В феврале 1966 года Саня тяжело заболел – сердце, давление, спазмы мозговых сосудов. Пришлось уложить его в больницу, и лишь в первых числах марта я привезла его из больницы домой. Дома ему был предписан полный покой. / Неожиданно 5 марта <...> умерла Ахматова. / Понимая, какой это жесточайший удар для Сани, я решила все от него начисто скрыть» [Гитович, 1990, с. 355].

³⁰ О дружбе А. И. Гитовича с А. А. Прокофьевым: [Хренков, 1969, с. 26–32]. О деле И. А. Бродского: «Организаторы “дела” решили заручиться поддержкой Александра Прокофьева, первого секретаря Правления ленинградской писательской организации. Речь, все же, шла о поэте, и без санкции Прокофьева арестовать Бродского не решались. И тут тоже пустили в ход очередную фальсификацию – Прокофьеву показали очень обидную эпигramму на него, написанную якобы Бродским. Он совершенно взбесился и одобрил любые действия. Между тем, я могу поручиться, что никаких эпигграмм Иосиф на Александра Андреевича не писал. Прокофьев, честно говоря, интересовал его весьма мало. (Более того, чья это эпигграмма – было известно и тогда) <...> Поначалу, до первого суда, я знал лишь тех ленинградских литераторов, кто открыто отважился вступить за уже арестованного молодого поэта. Этих литераторов, членов СП, была горстка, и над ними всей своей гроз-

ную полку. У меня было много стихов. Стояли Симонов, Исаковский... – ну всё, что тогда стояло на полках. Про Исаковского сказал: «Это поэт». А про Прокофьева сказал: «Убери это».

Когда Бродский ушел из дома, он месяц или два жил у Гитовичей на канале Грибоедова. Единственный молодой поэт, которого Гитович ценил, был Бродский»³¹.

Толя Клещенко был учеником Александра Ильича в литературной студии³². Его забрали в доме Гитовичей. За анекдот. Ему и двадцати лет еще не было. И месяц Сильва и Александр Ильич спали не раздеваясь, у них было все приготовлено, потому что они были уверены, что Александра Ильича заберут. Но у нас же не Германия, у нас же бардак, к счастью иногда: папочку с его делом как-то переложили случайно. И за ним не пришли. Ну, взяли кого-то другого. Они же как ходили? – Этого нет, возьмем того.

Клещенко много лет сидел. Потом долго был в ссылке. На поселении он женился, дочка родилась. А когда ему разрешили вернуться, денег на дорогу дали только на одного. Он написал Гитовичам. И Сильва побежала по друзьям, заняла денег – и они ему отправили. Он приехал, вошел в дом, снял рюкзак и стряхнул к ногам Сильвы штук десять соболей. Он же был страстный охотник. Потом, когда он получил в Комарове домик на том же участке, где жили Ахматова и Гитовичи³³, он

ной и, осмелюсь сказать, нечистой силой навис секретариат писательской организации в полном составе во главе с поэтом Александром Андреевичем Прокофьевым, излюбленной сентенцией которого на наших собраниях, сентенцией, произносимой напористым, сокрушительным, командным тоном, была: – Я солдат партии! <...> Не хотелось бы излишне грешить на него – по делу Бродского были у Прокофьева доброхотные подручные, гораздо более радикальные и жестокие, нежели он» [Гордін, 1989, с. 148]. Роль Прокофьева в деле Бродского привела к тому, что он был провален на перевыборах, состоявшихся в Ленинградском отделении Союза писателей 14 января 1965 г. (См. об этом: [Чуковская, 1997, т. 3, с. 437–438; Тименчик, 2015, т. 1, с. 415–416; т. 2, с. 431; др.]. А. И. Гитович писал в связи с предстоявшими выборами поэту В. А. Лифшицу: «Кое-как он (Д. Т. Хренков. – О. Р.) ушел, решив все-таки, что Прокопа валить будем вместе. Это у них просто пункт помешательства – валить Прокопа. Вот и ходят перед перевыборами. И приносят спиртные напитки» (см.: [Кичанова-Лифшиц, 1982, с. 146]. Письмо без даты).

³¹ Из недатированного письма А. И. Гитовича В. А. Лифшицу: «Дорогой друг! <...> С Бродским – дело страшное. Я до всех этих дел часто видел его – он постоянно бывал у Ахматовой, а значит – под моими окнами, так сказать. Но его стихов не знал совсем. Но – уже после фельетона – приехал ко мне профессор геологии и литературовед Македонов и привез стихи “молодого тунейца”. И я со всей ответственностью могу сказать, что если Бродский проживет еще лет 10–20, то цены ему не будет. А если он снова вскроет себе вены, и на этот раз это окажется роковым – все равно его стихи останутся. И кое-кому История никогда не простит» [Кичанова-Лифшиц, 1982, с. 144].

³² О Ленинградском объединении молодых (другие названия – Молодое объединение, Центральная поэтическая группа), которое возглавлял в предвоенные годы А. И. Гитович, см., например: [Хренков, 1969, с. 91–102]. См. также: *Шефнер В.* Приобщение к профессии. URL: https://ruthenia.ru/60s/leningrad/shefner/priob_professii.htm (дата обращения 28.09.2022). На заседаниях объединения несколько раз бывала Ахматова (об этом, в частности: [Шефнер, 1990, с. 412–413]. Клещенко Анатолий Дмитриевич (1921–1974) – поэт, прозаик, переводчик, зарабатывал как художник, охотник, геолог. Был арестован по доносу, во время обыска у него нашли антисталинские стихи. Об А. Д. Клещенко см., например: [Распятые..., 1994, с. 99–103; Лепехин, 2005, с. 197–199; Коновалов, 2013].

³³ Дачу в Комарове А. Д. Клещенко получил в 1963 г.

стрелял в стену своего дома. Анна Андреевна сказала Александру Ильичу: «Попросите его не стрелять»³⁴.

Я его хорошо помню. После освобождения ему было лет тридцать пять, мне он казался глубоким стариком: он был седой, у него вообще не было зубов.

Александр Ильич говорил, что Клещенко очень талантливый поэт. Что прозаик он средний, а поэт очень талантливый. Когда у него вышла книжка³⁵, он подписал ее Гитовичам так: «Сумасшедшим Гитовичам от дурака Клещенко».

Гитович меня приучил к китайцам древним, которых переводил, я их очень полюбила. Когда у Гитовича был вечер перевода, он позвал меня читать там стихи китайских поэтов. Потом спросил, понравилось ли мне. Я сказала, что понравилось, только мне было не по себе: в зале сидело так много китайцев! Он сказал, что китайцев там не было вообще. Подумал, засмеялся и позвонил знакомым китайцам: «Ребята, вы стали так похожи на китайцев, что Таня вас с ними перепутала». У него есть стихотворение о том, что он сам стал похож на китайца и даже какие-то строки они у него заимствуют³⁶.

³⁴ Существуют сведения, что А. Д. Клещенко был знаком с Ахматовой с 1936 г. [Лепехин, 2005, с. 197]. По словам его последней жены Беллы Львовны Клещенко, «Анатолий бывал у Ахматовой в “Фонтанном доме”, в Ленинграде, читал ей поэму “Вийон читает стихи” (он считал себя “русским Вийоном”!)» [Русаков, 2002]. Стихотворение о Вийоне было опубликовано в журнале «Литературный современник» за 1940 г., № 5–6 (с. 33); в том же номере было напечатано стихотворение Ахматовой «Клеопатра» (с. 48). В 1957 г. «по ходатайству Ахматовой, Чивилихина и Шихарева» А. Д. Клещенко восстановили в Союзе писателей [Коновалов, 2013]. «Благодаря протекции Ахматовой» А. Д. Клещенко получил возможность зарабатывать переводами; у Б. Л. Клещенко сохранилась книга [Тибетские народные песни, 1958] с автографом: «Книга трех каторжников – на добрую память. Лев Гумилев. 23 июня 1989 года»; «Первый – Виктор Вельгус, автор подстрочных переводов с китайского языка. Второй – Анатолий Клещенко, он сделал авторизованные стихотворные переводы (которые вскоре были признаны в Китае лучшими!). И, наконец, Лев Николаевич Гумилев – редактор книги и автор предисловия. <...> Обратите внимание, что автограф сделан в день столетия его матери, Анны Андреевны Ахматовой!» [Русаков, 2002]. Б. Л. Клещенко: «Ахматова была нашей посаженной матерью, благословляла наш брак» [Там же]. По предположению Р. Д. Тименчика, стихотворение А. Д. Клещенко «Под доброй сенью дружеского крова...», возможно, отозвалось в одном стихотворном наброске Ахматовой [Тименчик, 2015, т. 1, с. 183–184; т. 2, с. 277]. Однако встречающееся в текстах об А. Д. Клещенко утверждение, что он и Ахматова были друзьями, – несомненное преувеличение. Его имени нет в ахматовских записных книжках, оно почти отсутствует и в литературе об Ахматовой. Б. Л. Клещенко по памяти приводит автограф Ахматовой, сделанный на книге (по всей видимости, на сборнике «Бег времени») 3 октября 1965 г.: «Милому соседу Анатолию Клещенко» [Русаков, 2002]. Как и Гитовичи, А. Д. Клещенко был похоронен «близ глубоководной им А. Ахматовой» [Лепехин, 2005, с. 199].

³⁵ Возможно, речь идет об одной из двух прижизненных книг стихов А. Д. Клещенко, вышедших благодаря помощи А. И. Гитовича: Гуси летят на север. Л.: Сов. писатель, 1957; Добрая зависть. Л.: Сов. писатель, 1958.

³⁶ Имеется в виду стихотворение «Признание» (1962). Приводится по сборнику: [Гитович, 1965, с. 50]:

В этом нет ни беды,
Ни секрета:
Прав мой критик,
Заметив опять,

У Александра Ильича много очень хороших стихов. Много слабых, но много и очень хороших. И дивные переводы. Я раньше массу их знала, а сейчас вспомню, наверно, только Ду Фу:

Я седлал тебя часто
На многих просторах земли,
Помнишь зимнюю пору
У северных дальних застав?
Ты, состарившись в странствиях,
Отдал все силы свои
И на старости лет
Заболел, от работы устав.
Ты по сути ничем
Не отличен от прочих коней,
Ты послушным и верным
Остался до этого дня.
Тварь, – как принято думать
Среди бессердечных людей, –
Ты болезнью своей
Глубоко огорчаешь меня³⁷.
Ван Вэя он переводил, Ли Бо³⁸.

Гитович считал, что мама должна писать, но она была мастер устного рассказа. «Акбара» она написала с его подачи, «Юного дрессировщика» – с подачи Радия Погодина.

Книга Острецовой «Мой Акбар», вышедшая в 1962 г., предваряется посвящением: «Александру Ильичу Гитовичу, без которого эта книга никогда бы не была написана» [Острецова, 1962, с. 2]³⁹. Затем идет предисловие Гитовича «О книге и ее авторе» (1959), в котором говорится: «...Лидия Ивановна – одна из талантливейших рассказчиков, которых я когда-либо встречал в жизни. У нее есть все, что нужно писателю: великолепное знание материала, любовь к людям и животным,

Что восточные классики
Где-то
На меня
Продолжают влиять.
Дружба с ними,
На общей дороге,
Укрепляется
День ото дня
Так, что даже
Отдельные строки
Занимают они
У меня.

³⁷ Стихотворение Ду Фу «Больной конь», 759 г. Приводится по: [Ду Фу, 1967, с. 65].

³⁸ О Гитовиче – переводчике китайской и корейской поэзии см., в частности: [Хренков, 1969, с. 137–154].

³⁹ Обе книги Л. И. Острецовой есть в Интернете.

отличная наблюдательность, добрый и умный юмор. Но как это часто бывает с рассказчиками, ей трудно писать. Хуже того: она просто терпеть не может брать перо в руки. Однажды она призналась, что многие месяцы не отвечает на письма своих лучших друзей.

Я долго уговаривал ее написать книгу. Это были тщетные попытки. Но когда мы вместе с семьями и собаками поселились на даче, я проявил настойчивость. Сначала я льстил. Я рассказывал, как будет выглядеть фотография ее знаменитого Акбара на обложке книги.

Затем я пугал – грозил, что ее материалом воспользуются другие, – или грозил, злорадно ухмыляясь, что напишу про Акбара я. Потом я перешел к практическим действиям.

Для начала я завоевал дружбу двенадцатилетней Тани, дочери Лидии Ивановны, и сделал эту кроткую девочку своей союзницей. Я завоевал также дружбу и снисходительное доверие Акбара. Это было значительно труднее, но я добился своего.

Теперь я мог грозить всерьез и приводить угрозы в исполнение. С утра я забирал с собой Таню и Акбара, запирали Лидию Ивановну на ключ в ее комнате на втором этаже, оставляя ее наедине с ненавистным карандашом и тетрадью. Ключ лежал у меня в кармане. Это продолжалось все лето. Я был весел и жесток.

Так была написана эта книга» [Острецова, 1962, с. 3–4].



Таня Комарова, Лидия Острецова, Александр Гитович.
Юмки (Ленинградская область). Около 1960 г. Архив Т. Г. Комаровой

Tanya Komarova, Lydia Ostretsova, Alexander Gitovich.
Yukki (Leningrad region). Around 1960 Archive of T. G. Komarova

В небольшой по объему книге повествуется не только об Акбаре, но и о других собаках. Рассказ Т. Г. Комаровой про Акбара ее не дублирует:

Когда Акбара взяли, мне было, наверно, лет шесть, это примерно пятьдесят второй год. Он прожил немного, девять лет. Я не знаю, как его взяли, как мама его выбрала⁴⁰.



Таня Комарова с Акбаром. 1954 г. Архив Т. Г. Комаровой
Tanya Komarova with Akbar. 1954 Archive T. G. Komarova

⁴⁰ Ср.: «Я взяла его двухнедельным детенышем из семейства, где щенков выкармливали искусственно: мать, Айша, с прекрасной родословной, умерла на второй день после родов. / Акбар был самым маленьким, притом совершенно черным; я всегда предпочитала овчарок более светлой, волчьей масти. Сначала я хотела выбрать другого щенка, но со мной была шестилетняя дочь Таня, которая со слезами на глазах сказала, что если мы не возьмем черненького, то он, несчастный, скоро умрет. Я уступила – и навсегда буду благодарна Тане за ее тогдашние просьбы и слезы» [Острецова, 1962, с. 5–6].

Он был немец чистый. У него была родословная, где было написано, что он Акбар фон Танненбрюкке. Фон Танненбрюкке – это название питомника в Германии. Возможно, его родители были оттуда. Сейчас бы он был на вес золота, а тогда... Мы же в России вывели восточно-европейских, своих, поэтому немецкие овчарки не ценились. Он был невысокий, такой коренастый, черный, с широкой башкой, а ценились как раз длинноногие, с узкой головой – все наоборот. На выставках он получал не больше «хорошо», мама его не стала выставлять. Он очень любил заниматься, он был идеально отдрессирован⁴¹. И вообще очень любил работать⁴². Любил катать на санках, на лыжах, в агитбригаде работать. Агитбригады выступают на выставках, в школах. Собаки показывают, как они умеют комплекс делать «сидеть – лежать – стоять», подходить, выполнять команду «Апорт!», прыгать через забор, ходить по бревну, по лестнице. Прыгают друг через друга, через кольцо. Акбар был артист⁴³, но в кино не играл: когда мама начала работать в кино, его уже не было в живых. «Дай лапу, Друг!» – это же про него фильм.

Он очень любил все маленькое: детей, щенят, котят. Мама его поставила охранять магазин – универмаг около кинотеатра «Гигант» был тогда, а Акбару было десять месяцев, он щенок еще был⁴⁴. В этом универмаге трех подряд собак отравили, поэтому мама Акбара приучила ничего не подбирать с пола и не брать у чужих. И вдруг приходит однажды, а Акбар ее не встречает. Она дико испугалась. Стала его звать – и услышала скулеж. Пошла к месту, где он лежал (универмаг-то огромный): лежит Акбар и скулит, что он не может встать, потому что на лапе у него

⁴¹ Ср.: «Акбар рос, работал и учился и отлично сдал курс розыскной службы (самая сложная из служб, за исключением службы поводыря слепых). Вспоминаю, как однажды я шла мимо “Пассажа” перед его открытием. Стояла длинная очередь, и я увидела, как люди столпились вокруг плачущей женщины. Оказывается, пока она болтала с соседками, исчезла ее дочь четырех лет. Женщина была приезжей, она не знала Ленинграда и была в полном отчаянии.

– Есть у вас какая-нибудь вещь вашей девочки? – спросила я. Женщина посмотрела на меня как на сумасшедшую. Вероятно, точно так же смотрела на меня вся очередь. Машинально женщина протянула мне детскую панамку. Я дала ее понюхать Акбару. И Акбар взял след.

Он нашел девочку в доме на Садовой, на площадке второго этажа» [Острецова, 1962, с. 27].

⁴² Ср.: «Прошло три года – и уже Акбар водил Таню в школу, неся в зубах ее учебнический портфель. Акбар же приходил за Таней и после уроков, ждал ее у гардероба; все к этому привыкли, и даже директор школы, старый строгий человек, негласно разрешал такое беззаконие» [Острецова, 1962, с. 7].

⁴³ О работе Акбара в цирке см.: [Острецова, 1962, с. 39–46].

⁴⁴ «Акбар стал зарабатывать себе на хлеб в возрасте десяти месяцев. Так что дальнейшую свою учебу он продолжал без отрыва от производства. / Мне очень трудно тогда жилось. <...>

Кстати, когда была перепись населения, к нам пришел студент. Дома была только мама. Произошел следующий разговор. Студент вежливо спросил:

– Кто у вас глава семьи?
– Акбар.
– Какой Акбар?
– Собака.
– Как же он может быть главой семьи?
– А он больше всех зарабатывает.

Действительно, Акбар работал в то время в цирке и получал примерно, по старым ценам, 1500 рублей в месяц» [Острецова, 1962, с. 17, 48].

сидит мышонок, – Акбар не может его сбросить. На даче мы детьми подобрали зайчонка. Акбар сидел возле него, вылизывал его. Естественно, мы не умели ухаживать, зайчонок у нас умер через несколько дней. И мы его похоронили. Акбар всю ночь лежал на могиле, пришел оттуда с седой мордой и два дня ничего не ел.

Акбар еще в милиции работал. Но в милиции в основном с отцом⁴⁵. И в дружину они ходили. Но вот интересно... У нас был Гудал – еще один овчар. Он был очень серьезный, у него была страшная хватка, он кусался очень сильно. Так вот, когда отец приходил с Гусей в милицию (его дома звали Гуся), то милиционеры говорили: «Ой, тихо, тихо: Гудал пришел». Они знали: не дай бог какая-то потасовка, драка – Гуся будет жрать всех подряд, ему все равно: милиционер – не милиционер.



Лидия Острецова с Гудалом. Начало 1960-х гг. Архив Т. Г. Комаровой
Lydia Ostretsova with Gudal. Early 1960s Archive of T. G. Komarova

Акбар никогда не путал, кто затеял драку, он очень хорошо разбирался, кто виноват. Он вообще соображал невероятно. Кусал – по команде. Загрыз – никого.

Дома можно было в комнату войти кому угодно, но выйти – его надо было убирать. Чужому ничего нельзя было брать в руки, ну кроме чашки с чаем и тому подобному. Можно было встать, но пройти по комнате и взять какой-то предмет – это нельзя: он рычал. Этому его не учили, он сам. Кот был им выдрессирован: ему нельзя было прыгать на стол. На диван – пожалуйста, а на стол – никогда. При том, что Акбар очень дружил с котом.

⁴⁵ См. там же главу «Акбар-сыщик», большую часть которой составляют записи Г. Ф. Комарова.

С чужими собаками он мало дружил и мало играл. Но мама брала на лето трех-четырех собак на дрессировку, чтобы оплатить домик, в котором мы жили, и это была целая стая, где Акбар был вожаком и существовали очень четкие правила. Вот он идет, все идут за ним, никто не имеет права опередить его: он тут же трепку давал. И нельзя сойти с дороги, пока не разошлись за грибами. Вот пока мы идем по дороге, все должны идти по дороге.

У его были свои, очень странные игры. Он любил строить запруды на озере: лапами песок сгребал – и воду запруживал. Он очень любил купаться, но из воды обычно выходил раздраженный. И прыгал... Мы потом видели на следующий год, через год деревца с его зубами: он сгибал маленькую березку или осинку, но так, чтобы лапы до земли не доставали, подпрыгивал и раскачивался на ней – воду сбрасывал с себя.

Он почти никогда не лизался. Он мог лизнуть только меня – и то, когда я спала. А если я открывала глаза и смеялась, он разворачивался и уходил под кровать. Чтoб никаких нежностей. Но своих любил. А к чужим... Из чужих очень любил Гитовичей – всех. Когда Гитович выпивал, то говорил: «Тетки, уйдите». Все уходили, а он часа по два беседовал с Акбаром. Гитович называл его «собачий Лев Толстой».



Александр Гитович, Акбар,
Наталья Георгиевна Острцова (мать Л. И. Острцовой).
Юкки, около 1960 г. Архив Т. Г. Комаровой

Alexander Gitovich, Akbar,
Natalya Georgievna Ostretsova (mother of L. I. Ostretsova).
Yukki, circa 1960. Archive of T. G. Komarova

Мама составила словарь Акбара: он больше тысячи слов знал. Она это определила по его реакции на слова. Когда что-то называли и говорили «Принеси», он безошибочно приносил. Или вот, например. Он лежит под кроватью. Мама с отцом разговаривают. «Пойдем на Кирочную?» Это к бабушке – матери отца. «Пойдем». Акбар выскакивает уже из-под кровати. Мама говорит: «Но его, наверно, не возьмем?» Не «собаку», не «Акбара», а «его». Он разворачивается и уходит под кровать. Было видно, что эти слова он понимает.

В книге «Мой Акбар» Л. И. Острецова мимоходом обронила: «...я обязана ему жизнью. Был такой случай, но я не хочу сейчас об этом рассказывать» [Острецова, 1962, с. 5]. Знал ли про это кто-нибудь, кроме нее самой? Татьяна Григорьевна никогда об этом случае не слышала.



Акбар. Вторая половина 1950-х гг. Архив Т. Г. Комаровой
Akbar. Second half of the 1950s Archive of T. G. Komarova

Не рассказала Лидия Ивановна в книге и о том, как умер Акбар, – наверно, потому что произведение было рассчитано прежде всего на детей и подростков. Вот свидетельство Т. Г. Комаровой:

Акбар сначала попал под машину (он имел дурную привычку бегать за машинами, стараясь их перегнать). Но после этого выжил и еще довольно долго прожил.

Он, как я говорила, выступал с агитбригадой. Был такой номер: предлагали кому-нибудь из публики надеть халат и принять на себя собаку. И вот как-то вышел один человек. Оказалось, что это был уголовник, которого Акбар когда-то брал. Он ударил Акбара дважды кованым сапогом в пах. У Акбара отнялись лапы.

Он очень стеснялся своей инвалидности, прятался от гостей. Единственный, к кому он выполз из-под кровати, когда тот пришел, был Гитович. Через два года Акбар умер.

А. И. Гитович посвятил ему стихи. Сюжетно они не совпадают с реальными событиями, подверстывая Акбара под образ собаки, несшей военную службу:

На пограничной заставе

Акбару

Заболела овчарка,
Уж ей не подняться вовеки,

И над нею склонился
Майор в старомодных очках.

И она умерла,
Не смежив воспаленные веки,

С отраженьем Хозяина
В мертвых прекрасных зрачках.

[Гитович, 1965, с. 91]

Впрочем, действительно ли это стихи на смерть Акбара, неясно. Скорее, на его болезнь, потому что дата под ними – 1959 г., а Акбара не стало в августе 1961 г.

Ахматова наверняка слышала об Акбаре много рассказов. На вопрос, знала ли она Акбара, Татьяна Григорьевна ответила: «Анна Андреевна видела его у Гитовичей – и на Грибоедова, и в Комарово, мы его часто с собой таскали. Но Акбар с незнакомыми не был общительным. Собака была строгая, мрачноватая».

Существует фольклорный, легендарный вариант ахматовской телеграммы на смерть Акбара в публикациях о Л. И. Острецовой в Интернете: «Скорблю о смерти великого Акбара»⁴⁶. В таком варианте помнила телеграмму и Т. Г. Комарова, пока не нашла ее оригинал в домашнем архиве. Но Ахматова написала проще и человечнее: «Горестно сожалею <об> Акбаре».

Список литературы

Бег времени. Фотолетопись жизни Анны Ахматовой. По материалам Музея Анны Ахматовой в Фонтанном Доме: В 2 ч. / Сост., указатели И. Ивановой и Н. Громоу; коммент. и послесл. Л. Копылова и Т. Поздняковой. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 2012. Ч. 2: 1946–1965. 200 с.

⁴⁶ Лидия Ивановна Острецова // Сайт агитбригады «Каштанка»; К столетию со дня рождения Лидии Ивановны Острецовой // Сайт «Российская кинологическая федерация»; др.

- Беседы с А. А. Ахматовой (из собрания М. С. Лесмана) / Вступ. заметка, подгот. текста и примеч. Р. Тищенко // Искусство Ленинграда. 1989. № 5. С. 67–74.
- Воденников Д. Ахматова и животные. Взгляд // Учительская газета. 2019. № 19, 7 мая.
- Герман Ю. Дай лапу, Друг! Л.: Детгиз, 1963. 48 с.
- Гитович А. И. Зимние послания друзьям. М.; Л.: Сов. писатель, 1965. 163 с.
- Гитович А. Из цикла «Кремень и огонь». Стихи / Публ. А. А. Гитовича // Звезда. 1989. № 6. С. 153–155.
- Гитович А. Стихотворения. Л.: Лениздат, 1968. 239 с.
- Гитович А. Стихотворения. Л.: Худож. лит., 1982. 200 с.
- Гитович А., Бурсов Б. Мы видели Корею: [Очерки]. Л.: Молодая гвардия, 1948. 148 с.
- Гитович С. В Комарове // Воспоминания об Анне Ахматовой / Сост. В. Я. Виленкин, В. А. Черных; коммент. А. В. Курт, К. М. Поливанова. М.: Сов. писатель, 1991. С. 503–519.
- Гитович С. Об Анне Андреевне // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990. С. 330–356.
- Гордин Я. Дело Бродского. История одной расправы по материалам Ф. Вигдоровой, И. Меттера, архива родителей И. Бродского, прессы и по личным впечатлениям автора // Нева. 1989. № 2. С. 134–166.
- Ду Фу. Лирика / Пер. с кит. А. Гитовича; предисл. Е. Серебрякова; примеч. Г. Монзелера. Л.: Худож. лит., 1967. 175 с.
- Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / Сост. и подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. ст. Э. Г. Герштейн; науч. консульт., ввод. заметки, указатели В. А. Черных. М.; Torino, 1996. 850 с.
- Из семейной переписки А. А. Ахматовой // Звезда. 1996. № 6. С. 131–159.
- Кичанова-Лифшиц И. Прости меня за то, что я живу. Нью-Йорк, 1982. 162 с.
- Коновалов Д. М. После смерти в спину мне не воткнули кола // Стихи.ру. 2013. URL: <https://stihi.ru/2013/11/16/196> (дата обращения 29.09.2022).
- Крашенинников П. ГКЧП. 19 августа 1991 года. Как это было // Рос. газета. 2021. 19 авг. URL: <https://rg.ru/2021/08/19/19-avgusta-1991-goda-kak-eto-bylo.html> (дата обращения 28.09.2022).
- Лепехин М. П. Клещенко Анатолий Дмитриевич // Русская литература XX века. Прозаики, поэты, драматурги. Библиографический словарь: В 3 т. / Под общ. ред. Н. Н. Скатова. М.: Олма-Пресс Инвест, 2005. Т. 2: 3–О. С. 197–199.
- Лесман М. С. Тайна трех архивов / Вступ. заметка И. Фонакова, публ. и послесл. Н. Г. Князевой // Нева. 1990. № 7. С. 183–189.
- Машкова М. В. Памяти Лидии Ивановны Острецовой // Вопросы кинологии. 1993. № 1–2. С. 31–32.
- Ольшанская Е. «Какая радость – каждый истинный поэт!» // Петровых М. Черта горизонта: Стихи и переводы. Воспоминания о Марии Петровых / Сост. Н. Глен, А. Головачева, Е. Дейч, Л. Мкртчян. Ереван, 1986. С. 349–357.
- Острецова Л. И. Мой Акбар. Рассказы дрессировщицы. Л.: Детгиз, 1962. 61 с.
- Переписка А. А. Ахматовой и В. К. Шилейко. 1924–1929 / Публ. А. И. Павловского, вступ. заметка, подгот. текста и коммент. Т. М. Двинятиной // Н. Гумилев, А. Ахматова: По материалам историко-литературной коллекции П. Н. Лукницко-

- го / ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН; отв. ред. А. И. Павловский, вступ. ст. Т. М. Двинятиной, подгот. Т. М. Двинятиной и др. СПб.: Наука, 2005. С. 214–236.
- Петербург Ахматовой: Владимир Георгиевич Гаршин / Сост., ст., коммент. Т. С. Поздняковой. СПб.: Невский диалект, 2002. 256 с.
- Поберезкина П. Е.* «Пролог»: фрагменты комментария // Поберезкина П. Е. Вокруг Ахматовой. М.: Азбуковник, 2015. С. 140–188.
- Распятие: писатели – жертвы политических репрессий / Сост. З. Дичаров, статьи Н. Мартыненко, Л. Ильиной. СПб., 1994. Вып. 2: Могилы без крестов. 214 с.
- Рождественский Вс. А.* Страницы жизни. М.: Современник, 1974. 464 с.
- Русаков Э.* История одного автографа // Правда.ру. 20.12.2002. URL: <https://www.pravda.ru/economics/8836-gumilev> (дата обращения 29.09.2022).
- Тибетские народные песни / Пер. с кит. А. Клещенко; [предисл., ред. переводов и примеч. Л. Н. Гумилева]. М.: Гослитиздат, 1958. 126 с.
- Тименчик Р.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» Ахматовой // Memento vivere: Сб. памяти Л. Н. Ивановой / Сост. и науч. ред. К. А. Кумпан и Е. Р. Обатниной. СПб., 2009а. С. 529–548.
- Тименчик Р. Д.* Из «Именного указателя» к «Записным книжкам» // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский научный сборник / Отв. ред. Г. М. Темненко. Симферополь: Крымский архив, 2009б. Вып. 7. 288 с.
- Тименчик Р.* Последний поэт. Анна Ахматова в 60-е годы: В 2 т. 2-е изд., испр. и расшир. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2015.
- Хренков Д. Т.* Александр Гитович. Литературный портрет. Л.: Сов. писатель, 1969. 176 с.
- Черных В. А.* Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889–1966. М.: Азбуковник, 2016. 944 с.
- Чуковская Л. К.* Записки об Анне Ахматовой: В 3 т. / Изд. подгот. Е. Ц. Чуковской и Ж. О. Хавкиной при участии Е. Б. Ефимова. М.: Согласие, 1997.
- Шефнер В.* Поэзия сильнее, чем судьба // Об Анне Ахматовой: Стихи, эссе, воспоминания, письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990. С. 411–416.

References

- Beg vremeni. Fotoletopis' zhizni Anny Akhmatovoy. Po materialam Muzeya Anny Akhmatovoy v Fontannom Dome [The run of time. Photo chronicle of the life of Anna Akhmatova. Based on materials from the Museum of Anna Akhmatova in the Fountain House]. In 2 vols. Comp. by I. Ivanova, N. Gromova; comment., afterword by L. Kopylov, T. Pozdnyakova. St. Petersburg, Museum of Anna Akhmatova in Fountain House, 2012, vol.2: 1946–1965, 200 p. (in Russ.)
- Besedy s A. A. Akhmatovoy (iz sobraniya M. S. Lesmana) [Conversations with A. A. Akhmatova (from the collection of M. S. Lesman)]. Enter. note, prepare text and notes by R. Timenchik. *Iskusstvo Leningrada* [Art of Leningrad], 1989, no. 5, pp. 67–74. (in Russ.)
- Chernykh V. A. Letopis' zhizni i tvorchestva Anny Akhmatovoy. 1889–1966 [Chronicle of life and work of Anna Akhmatova. 1889–1966]. Moscow, Azbukovnik, 2016, 944 p. (in Russ.)

Chukovskaya L. K. Zapiski ob Anne Akhmatovoy [Notes about Anna Akhmatova]. In 3 vols. Prep. by E. Ts. Chukovskaya and Zh. O. Khavkina with the participation of E. B. Efimov. Moscow, Soglasie, 1997. (in Russ.)

Du Fu. Lirika [Lyrics]. Trans. from Chinese by A. Gitovich, foreword by E. Se-rebryakova, note by G. Monzeler. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1967, 175 p. (in Russ.)

German Yu. Day lapu, Drug! [Give me a paw, Friend!] Leningrad, Detgiz, 1963, 48 p. (in Russ.)

Gitovich A. I. Zimniye poslaniya друз'ям [Winter messages to friends]. Moscow, Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1965, 163 p. (in Russ.)

Gitovich A. Iz tsikla "Kremen' i ogon'". Stikhi [From the cycle "Flint and Fire". Poetry]. Ed. by A. A. Gitovich. *Zvezda*, 1989, no. 6, pp. 153–155. (in Russ.)

Gitovich A. Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad, Lenizdat, 1968, 239 p. (in Russ.)

Gitovich A. Stikhotvoreniya [Poems]. Leningrad, Khudozhestvennaya literatura, 1982, 200 p. (in Russ.)

Gitovich A., Bursov B. My videli Koreyu [We saw Korea]. Leningrad, Molodaya gvardiya, 1948, 148 p. (in Russ.)

Gitovich S. Ob Anne Andreyevne [About Anna Andreevna] In: Ob Anne Akhmatovoy: Stikhi, esse, vospominaniya, pis'ma [About Anna Akhmatova: Poems, essays, memoirs, letters]. Comp. by M. M. Kralin. Leningrad, Lenizdat, 1990, pp. 330–356. (in Russ.)

Gitovich S. V Komarove [In Komarovo]. In: Vospominaniya ob Anne Akhmatovoy [Memories about Anna Akhmatova]. Moscow, Sovetskiy pisatel', 1991, pp. 503–519. (in Russ.)

Gordin Ya. Delo Brodskogo. Istoriya odnoy raspravy po materialam F. Vigdorovoy, I. Mettera, arkhiva roditeley I. Brodskogo, pressy i po lichnym vpechatleniyam avtora [Brodsky case. The history of one massacre based on the materials of F. Vigdorova, I. Metter, the archive of I. Brodsky's parents, the press and the author's personal impressions]. *Neva*, 1989, no. 2, pp. 134–166. (in Russ.)

Iz semeynoy perepiski A. A. Akhmatovoy [From the family correspondence of A. A. Akhmatova]. *Zvezda*, 1996, no. 6, pp. 131–159. (in Russ.)

Khrenkov D. T. Aleksandr Gitovich. Literaturnyy portret [Aleksandr Gitovich. Literary portrait]. Leningrad, Sovetskiy pisatel', 1969, 176 p. (in Russ.)

Kichanova-Lifshits I. Prosti menya za to, chto ya zhivu [Forgive me for living]. New York, 1982, 162 p. (in Russ.)

Konovalov D. M. Posle smerti v spinu mne ne votknut kola [After death, they will not stick a stake in my back]. In: Stikhi.ru: <https://stihi.ru/2013/11/16/196>. 2013. Data obrashcheniya: 29.09.2022. (in Russ.)

Krashenninnikov P. GKChP. 19 avgusta 1991 goda. Kak eto bylo [State Committee for the State of Emergency. August 19, 1991. How it was]. *Rossiyskaya gazeta*, 2021, August 19. (in Russ.) URL: <https://rg.ru/2021/08/19/19-avgusta-1991-goda-kak-eto-bylo.html> (accessed: 28.09.2022).

Lepekhin M. P. Kleshchenko Anatoliy Dmitriyevich. In: Skatov N. N. (ed.). *Russkaya literatura XX veka. Prozaiki, poety, dramaturgi. Biobibliograficheskiy slovar'*. In 3 vols. Moscow, Olma-Press Invest, 2005, vol. 2, pp. 197–199. (in Russ.)

Lesman M. S. Tayna trekh arkhivov [The Secret of the Three Archives]. Enter. note by I. Fonyakov, publ. and afterword by N. G. Knyazeva. *Neva*, 1990, no. 7, pp. 183–189. (in Russ.)

Mashkova M. V. Pamyati Lidii Ivanovny Ostretsovoy [In memory of Lydia Ivanovna Ostretsova]. *Voprosy kinologii*, 1993, no. 1–2, pp. 31–32. (in Russ.)

Olshanskaya E. “Kakaya radost’ – kazhdyi istinnyy poet!” [“What a joy every true poet is!”]. In: Petrovykh M. Cherta gorizonta: Stikhi i perevody. Vospominaniya o Marii Petrovykh. Comp. by N. Glen, A. Golovacheva, E. Deych, L. Mkrtchyan. Yerevan, 1986, pp. 349–357. (in Russ.)

Ostretsova L. I. Moy Akbar. Rasskazy dressirovshchitsy [My Akbar. Trainer’s stories]. Leningrad, Detgiz, 1962, 61 p. (in Russ.)

Perepiska A. A. Akhmatovoy i V. K. Shileiko [Correspondence of A. A. Akhmatova and V. K. Shileiko]. 1924–1929 / Publ. by A. I. Pavlovsky, entr. note, prepare text and comments by T. M. Dvinyatina. In: N. Gumilev, A. Akhmatova: Po materialam istoriko-literaturnoy kolleksii P. N. Luknitskogo. IRLI (Pushkinskiy Dom) RAN. St. Petersburg, Nauka, 2005, pp. 214–236. (in Russ.)

Peterburg of Akhmatova: Vladimir Georgiyevich Garshin / Comp., article, comment. by T. S. Pozdnyakova. St. Petersburg, Nevskiy dialekt, 2002, 256 p. (in Russ.)

Poberezkina P. E. “Prolog”: fragmenty kommentariya [“Prologue”: Commentary Fragments]. In: Poberezkina P. E. Vokrug Akhmatovoy. Moscow, Azbukovnik, 2015, pp. 140–188. (in Russ.)

Raspyatye: pisateli – zhertvy politicheskikh repressiy [Crucified: writers – victims of political repression]. Comp. by Z. Dicharov, articles by N. Martynenko, L. Ilyina. St. Petersburg, 1994, iss. 2: Mogily bez krestov, 214 p. (in Russ.)

Rozhdestvensky Vs. A. Stranitsy zhizni [Pages of life]. Moscow, Sovremennik, 1974, 464 p. (in Russ.)

Rusakov E. Istoriya odnogo avtografa. *Pravda.ru*, 20.12.2002. (in Russ.) URL: <https://www.pravda.ru/economics/8836-gumilev> (accessed: 29.09.2022).

Shefner V. Poeziya sil’neye, chem sud’ba. In: Kralin M. M. (comp.). Ob Anne Akhmatovoy: Stikhi, esse, vospominaniya, pis’ma. Leningrad, Lenizdat, 1990, pp. 330–356. (in Russ.)

Tibetskie narodnye pesni [Tibetan folk songs] / Trans. from Chinese by A. Kle-shchenko; [foreword, ed. translations and notes by L. N. Gumilyov]. Moscow, Goslit-izdat, 1958, 126 p. (in Russ.)

Timenchik R. D. Iz “Imennogo ukazatelya” k “Zapisnym knizhkam” [From “Index” to “Notebooks”]. In: Temnenko G. M. (ed.). Anna Akhmatova: epokha, sud’ba, tvorchestvo: Krymskiy Akhmatovskiy nauchnyy sbornik. Simferopol, Krymskiy arkhiv, 2009, iss. 7, 288 p. (in Russ.)

Timenchik R. Iz “Imennogo ukazatelya” k “Zapisnym knizhkam” Akhmatovoy [From “Index” to “Notebooks” of Akhmatova]. In: Memento vivere: Sbornik pamyati L. N. Ivanovoy. Eds. K. A. Kumpan, E. R. Obatnina. St. Petersburg, 2009, pp. 529–548. (in Russ.)

Timenchik R. Posledniy poet. Anna Akhmatova v 60-e gody [The last poet. Anna Akhmatova in the 60s]. In 2 vols. Moscow, Mosty kul’tury, Jerusalem, Gescharim, 2015. (in Russ.)

Vodennikov D. Akhmatova i zhivotnyye. Vzglyad [Akhmatova and animals. Sight]. *Uchitel’skaya gazeta*, 2019, no. 19, May 7. (in Russ.)

К 100-летию со дня рождения Юрия Николаевича Чумакова

Zapisnye knizhki Anny Akhmatovoy (1958–1966) [Notebooks by Anna Akhmatova]. Comp. by N. Suvorova, intr. by E. G. Gershteyn, index by V. A. Chernykh. Moscow, Torino, Giulio Einaudi editore, 1996, 850 p. (in Russ.)

Информация об авторе

Ольга Ефимовна Рубинчик, кандидат филологических наук

Information about the Author

Olga E. Rubinchik, Candidate of Sciences (Philology)

*Статья поступила в редакцию 30.08.2022;
одобрена после рецензирования 30.09.2022; принята к публикации 30.09.2022
The article was submitted 30.08.2022;
approved after reviewing 30.09.2022; accepted for publication 30.09.2022*